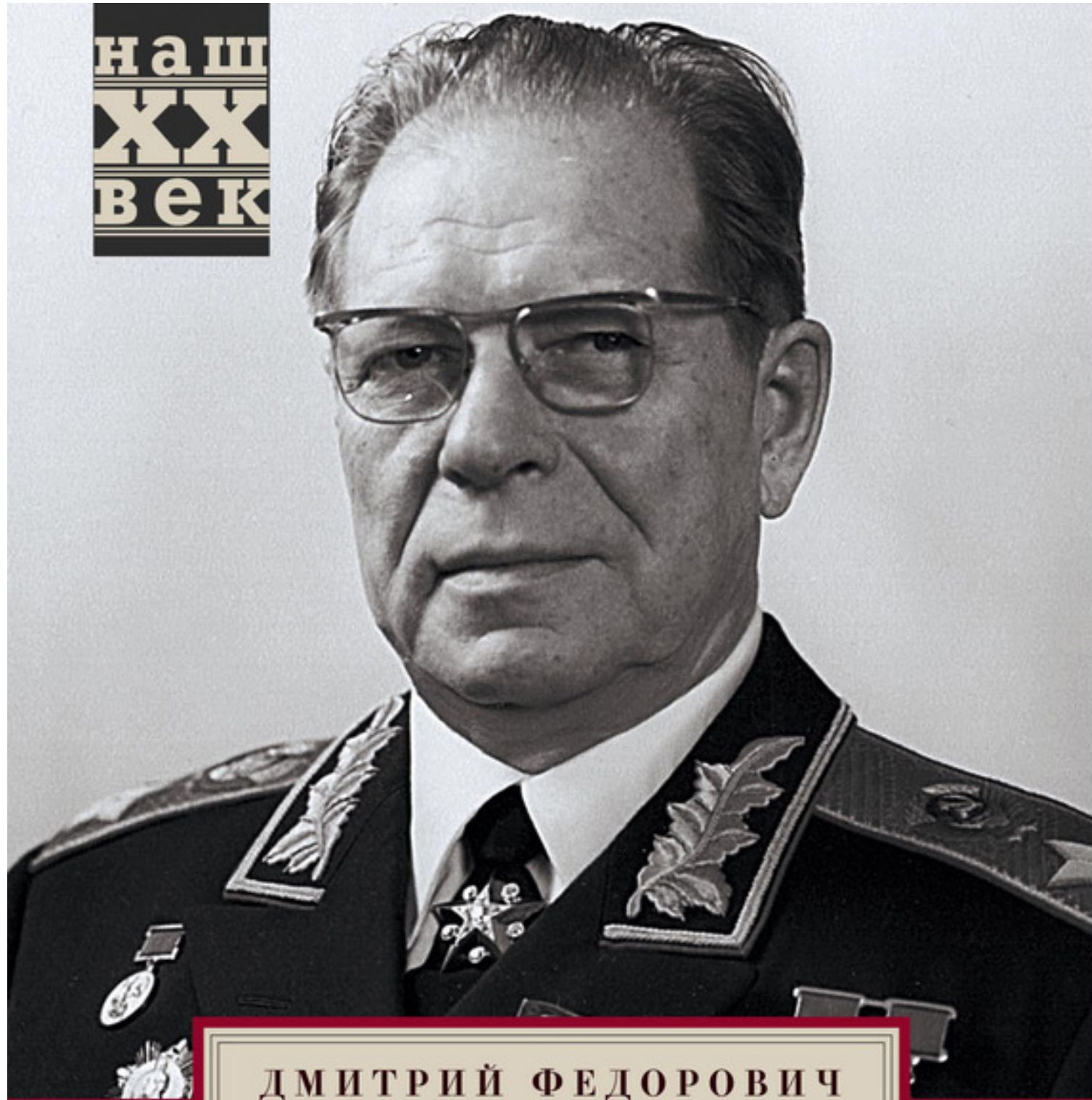

наш
XX
век

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ

УСТИНОВ

ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

Наш XX век

Дмитрий Устинов

Во имя победы

«Центрполиграф»

2016

УДК 929
ББК 63.3-8

Устинов Д. Ф.

Во имя победы / Д. Ф. Устинов — «Центрполиграф»,
2016 — (Наш XX век)

Мемуары Д.Ф. Устинова посвящены героической работе по созданию оружия и обеспечению им фронта в годы Великой Отечественной войны. Через личные воспоминания и размышления автор показывает широкую панораму предвоенной жизни, с большой теплотой рассказывает о рабочих и инженерах, ученых и конструкторах, командирах производства и партийных работниках – о людях, самоотверженно трудившихся на предприятиях Наркомата вооружения во имя Победы.

УДК 929
ББК 63.3-8

© Устинов Д. Ф., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

К читателям	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Отчий дом	6
На стрежень	13
Выбор	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дмитрий Федорович Устинов

Во имя победы

К читателям

Чем дальше в прошлое уходит Великая Отечественная война, тем более зрим и ярким становится подвиг советского народа, который, отстояв свободу и независимость своей социалистической Родины, наголову разгромив сильного и коварного врага, внес решающий вклад в избавление человечества от угрозы фашистского порабощения.

Подвиг советского народа в минувшей войне – это подвиг воинов армии и флота, с оружием в руках сражавшихся с ненавистным врагом, подвиг тружеников тыла, ковавших победоносное оружие.

Поколение советских людей, к которому я принадлежу, вступило в сознательную жизнь после Великого Октября. Ему выпала нелегкая, но счастливая судьба – активно участвовать под руководством ленинской партии в социалистическом преобразовании родной страны, закладке и упрочении фундамента ее экономического и оборонного могущества, который в навязанной нам фашистской Германией войне стал фундаментом Победы.

По воле партии и народа на протяжении длительного времени мне довелось работать над созданием вооружения для Красной армии и Рабоче-крестьянского красного флота, бок о бок с творцами оружия пройти через все военные испытания. В годы Великой Отечественной войны мне было доверено возглавлять Наркомат вооружения.

Эта книга – личные воспоминания и размышления о пережитом, о предвоенном времени и о наиболее памятных для меня событиях военных лет, о героическом прошлом нашей Родины. Тысячами незримых, живых и прочных нитей это прошлое связано с сегодняшним и завтрашним днем. Приобретенный в годы суровых испытаний опыт служит делу укрепления обороноспособности СССР, поддержания на необходимом уровне боевой мощи и боевой готовности советских Вооруженных сил, защите завоеваний социализма и мира на Земле.

Часть первая

Сопричастность

Глава 1

Истоки

Отчий дом

В жизни каждого человека есть события и факты, которые ему особенно дороги. Именно они составляют канву нашей жизни, неотделимы от наиболее важного в нас самих, в нашем характере и образе мыслей. Для каждого из нас такие события и факты единственны, неповторимы. И все-таки воспоминания о них, чувства, которые они вызывают, чем-то неуловимо схожи. Может быть, потому, что с ними связаны представления о Родине, о чести, достоинстве и долге, о своем месте среди людей.

Таковы воспоминания об отчем доме, порог которого означает для человека начало всех начал, о неповторимом тепле родительского очага, о материнской ласке, об очаровании родной природы и еще о многом из того, что в детские и отроческие годы вошло в нас и стало как бы нашей неотъемлемой частью.

Признаюсь, у меня больно защемило сердце, когда в конце лета 1982 года я приехал в Куйбышев для вручения городу ордена Ленина и не нашел на Самарской улице дома, в котором я родился и рос. Старый дом снесли. Я, конечно, понимал, что он отжил свой век, но трудно было примириться с мыслью, что никогда больше не увижу его...

Рядом со мной стояли мои дети и внуки, а я, оглядывая сильно изменившийся, опустевший, но такой знакомый двор, вдруг словно воочию увидел дом своего детства. Был он двухэтажный, очень небольшой, деревянный, с маленькими, подслеповатыми оконцами, по нынешним временам иначе как домиком его и не назовешь. Да и сам город, как он запомнился мне в детстве, был весь приземистый, пыльный. Самым высоким сооружением в округе тогда была пожарная каланча, на которую мы иногда забирались. И отсюда открывалась неоглядная даль, в синей дымке виднелся противоположный берег Волги, который казался нам недостижимым. Потом уже, став старше, мы не раз переплывали Волгу, и далекий берег сделался доступным.

Каланча, изрядно обветшавшая, сохранилась до сих пор. Только как-то совсем затерялась среди современных жилых домов и выросших по соседству многоэтажных корпусов института.

Вообще город преобразился неузнаваемо. Сегодня он – один из красивейших не только в Поволжье, но и в стране. Над Сокольими горами поднялась богатырская фигура рабочего, взметнувшего над головой, словно крылья, дельтовидные плоскости. Это – символ куйбышевского самолетостроения и в то же время символ духа волжан, их окрыленности.

Три с лишним столетия насчитывает дооктябрьская биография города. Немало повидал он на своем веку, многое испытал. Самарская беднота шла сражаться за лучшую долю в отряды Степана Разина и Емельяна Пугачева. В Самаре начинал свою революционную деятельность Владимир Ильич Ленин. Многие в городе связано с Максимом Горьким. Отсюда пришел в литературу Алексей Николаевич Толстой. «...Человек, – писал он, – впитывает здесь в душу свою эту ширь, эту силу земли, эту необъятность, и прелесть, и волю. Здесь ум бродит по видениям шумного и богатого прошлого и мечтает о безграничных возможностях будущего».

Как глубоко и точно выражено народное восприятие Волги! В памяти моей сохранился эпизод из далекого детства. Как-то, закулавшись, наплававшись вволю, завели мы с друзьями

разговор о дальних краях, где начинается Волга, откуда несет она свои воды. В наш разговор вмешался седой, но еще крепкий, жилистый грузчик. Он частенько наблюдал за ребячьими играми на берегу, и в глазах его всегда светилась добрая улыбка.

– Вот вы говорите: Волга, откуда она, что она, – сказал вдруг старик. Мы враз умолкли и обернулись к нему. – Да... Волга, брат, это всем рекам река. Я бывал там, где она начинается...

Старик умолк, глядя вдаль. Молчали и мы. Но вот он встрепенулся и странно помолодевшим голосом продолжал:

– Течет там, скажу я вам, совсем маленький ручеек. Видно, родник в земле прячется. Это место истоком называется. Ручеек к ручейку – и вот уже речка. И течет она по земле, собирает все новые ручейки, покуда не становится такой вот красавицей рекой.

Старик снова надолго замолчал. Мы уж собрались бежать в воду, зашевелились было, да задержались поглядеть, как старый грузчик раскуривает свою выдавшую виды трубку.

– И люди – как реки, – вдруг снова заговорил он, выпустив клуб дыма. – У каждого свои истоки, свои водовороты, заводи и перекаты на пути бывают. Но если человек смолodu живет честным трудом, рубашки своей для товарища не пожалеет, то и сам он всегда будет нужен людям. А когда люди вместе, они, как ручейки, сливаются и получается людская река. Пожалуй, посильней нашей Волги-матушки...

Как прав был тот старый волгарь! Может быть, ему и довелось увидеть, как слились ручейки народного гнева в могучий поток революции, как смыл он с родной земли все старое и отжившее, что мешало строить жизнь по новым, самым справедливым законам социализма.

Великий Октябрь открыл новую эру в истории нашей Родины и всего человечества. И мой родной город словно заново родился.

Время гигантски ускорило свой бег. Только объем промышленной продукции, выпускаемой в городе, увеличился за послеоктябрьские годы более чем в тысячу раз. Вместо пыльных и ухабистых улочек пролегли широкие асфальтовые реки проспектов, зеленые бульвары, просторные площади и скверы, вместо неказистых подслеповатых строений – красивые, светлые многоэтажные здания.

Когда мы приехали в Куйбышев, стоял теплый, солнечный, напоенный свежестью сентябрьский день. Такие дни не редкость в начале осени на Волге. Мы направились на набережную. Здесь ярко полыхали цветами клумбы, зелень деревьев была чуть-чуть разбавлена багрянцем и желтизной. Дышалось, как в дни молодости, легко, полной грудью.

Вдруг навстречу нам вышла в свадебном наряде молодая красивая пара в веселом, шумном окружении. От них исходило столько счастья и радости, что на набережной словно прибавилось солнца. Мы подошли к молодым, поздоровались. Узнали, что они оба студенты. Я поздравил их, пожелал дружной, счастливой семейной жизни. Разговорились – у земляков всегда найдутся общие темы. Перед тем как проститься, спрашиваю:

– Может, сфотографируемся на память?

– А мы вас хотели об этом попросить, Дмитрий Федорович! – отвечают молодые.

Нашлись и фотоаппарат, и фотограф – один из товарищей, который был вместе с нами. Первый секретарь Куйбышевского обкома партии Евгений Федорович Муравьев и я стали рядом с новобрачными... Снимок получился удачный – и молодым, и мне на добрую память.

Память... Насколько беднее мы стали бы внутренне, если бы вдруг утратили способность хранить в памяти то, что было с нами когда-то, беречь в своем сердце живую связь с прошлым, с событиями и свершениями, которым нам довелось быть сопричастными! Верно говорят: настоящее вырастает из прошлого. Без него нет будущего...

Если представить себе память как своего рода сокровищницу, которая постоянно пополняется, то воспоминания об отчем доме составляют, как мне кажется, важную долю ее основного фонда. Наша привязанность к отчому дому, ко всему, что связано с ним, – это частица

памяти не только о собственном прошлом, но и о прошлом своего народа, своей страны. Без нее человек подобен перекасти-полю: у него нет глубинной, корневой связи с землей, что его породила. Недаром в нашем народе таких людей называют Иванами, не помнящими родства.

В памяти о прошлом, в частности в памяти об отчем доме, кроются живительные истоки многих добрых и светлых качеств человеческой личности.

В доме на Самарской улице – она и по сей день называется так же – мы жили на первом этаже, в двух маленьких комнатках, вшестером: отец, мать, три старших брата и я. Жили дружно, хотя было тесно, а нередко – голодно и холодно.

Отец мой, Федор Сысоевич, нрава был строгого, но справедливого. Вдоволь хлебнув крестьянского лиха, он в поисках лучшей доли оставил надел иссушенной земли в селе Мокша и в 1891 году вместе с женой и первенцем Петром приехал в Самару. Поначалу перебивался случайными заработками на извозе, а затем устроился работать на завод.

Тяжкая работа ссутила отца. Приходил он домой усталый, умывался и садился к столу. Помню его темные, словно отлитые из чугуна руки. Сильные, крепкие, они очень многое умели. Мне кажется, именно с ними связаны мои первые представления о труде. Именно они соединялись в моем представлении с добротой, справедливостью, честностью. Такие руки не могли обманывать, не могли работать плохо, потому что были руками рабочего человека. «Каково дело рук твоих – такова и честь», – говорил отец. Мне запомнились эти слова, хотя смысл их стал понятен значительно позже. Всякую работу, приносящую пользу людям, надо делать честно, на совесть, чтобы за нее не было стыдно ни перед самим собой, ни перед народом. В этом – рабочая честь. А она очень дорога человеку. Потерять ее – значит потерять себя.

Многих замечательных тружеников я знал в своей жизни. Всех этих очень разных людей делает похожими их жизненная позиция, которая когда-то впервые для меня была сформулирована отцом: каково дело рук твоих – такова и честь. Прекрасная, правильная позиция!

И я глубоко счастлив, что на протяжении более шести десятилетий я видел рядом с собой, ощущал надежные плечи именно таких людей. Все они близки и дороги мне. Но особенно, и, думаю, это понятно, первый мой наставник и пример – отец.

Вообще отец был малоразговорчивым, к слову относился бережно. Образования у него не было никакого, но он умел по-своему ясно и определенно выразить суть вещей. Многое мог он понять и простить, но совершенно не терпел лжи. Больше всего отец уважал в людях трудолюбие, своих детей к труду приучал сызмальства.

Я стал работать сразу же после окончания приходского училища в июне 1919 года курьером в губернском лесном комитете. Правда, и учебу не бросал, поступил на вечерние общеобразовательные курсы.

Запомнился мне день, когда принес я домой первую получку. Велики ли были деньги, причитавшиеся мальчонке – курьеру! Но они были получены за труд. И домашние сумели сделать так, что это событие стало для меня праздничным. Отец, как равному, пожал мне руку, у матери навернулись на глаза слезы радости. На семейном совете решили справить мне на эти деньги обновку – рубашку и сапоги. В семье у нас к вещам относились просто, как к необходимости. Берегли их, конечно, но хорошо понимали, что в жизни есть много куда более ценного.

Каждое утро теперь меня будил голос отца:

– Вставай, поднимайся, рабочий народ!

Гораздо позже я понял, что он жалел меня и если поднимал с постели, значит, уже не оставалось возможности дать мне полежать лишнюю минутку. Спать очень хотелось, но я вскакивал, умывался холодной водой, наскоро съедал картофелину с кусочком хлеба – завтрак – и вместе с отцом отправлялся на работу. Я шагал рядом с ним, норовя попадать в такт его широкому шагу, и чувствовал взгляд провожавшей нас матери. На перекрестке наши пути расходились.

Мы останавливались на секунду, отец легонько подталкивал меня в спину:

– Ну, давай, Митя, – и коротко взглядывал на меня, словно обнимал. Еще мгновение я смотрел ему вслед, а затем, забыв о своей «взрослой» солидности, вприпрыжку мчался в гублеском.

Всю свою жизнь, сызмальства и до последнего вздоха, отец трудился. С какой радостью принял он Октябрь! «У меня, брат, теперь новый смысл жизни появился», – говорил он. Жаль, что недолго довелось ему пожить при советской власти. В 1922 году отец умер. Случилось это в Самарканде, где служил в ту пору мой брат Николай и куда мы с отцом и матерью приехали, спасаясь от голода.

Сельское хозяйство страны было разорено войной. А тут еще по нему ударила засуха, особенно жестокая в Поволжье. Жители промышленных центров голодали. Помню, как страшно похудел отец, лицо его стало землисто-серым, он сразу вдруг постарел и стал совсем молчаливым – бывало, за весь день слова не услышишь. У матери на лице, казалось, остались одни глаза. Да и я еле-еле волочил ноги, качался, как говорится, от ветерка и был все время в каком-то странном, полудремотном состоянии.

Многие дома опустели в те годы. Смерть стала привычной гостьей почти в каждом дворе. Люди уезжали из города, уходили в деревню, надеясь, что там легче будет прокормиться. Это была большая, всенародная беда...

Как-то глубокой ночью я проснулся от очередного приступа острой боли в животе и услышал срывающийся голос:

– Помрем все здесь, Феденька... Помрем, Митеньку жалко, малой совсем еще.

Мне стало зябко, я затаил дыхание. Минуты тянулись мучительно долго, а отец молчал. Потом вдруг сказал тяжело, будто булыжники ворочал:

– Поедем к Николаю. В Самарканд. Завтра. Собирай вещи.

– Да что там собирать, господи! – воскликнула мать.

– Ну ладно. Поедем. Не знаю вот, доеду ли...

Так в конце 1921 года мы оказались в Самарканде. С едой здесь было полегче, но, видно, отцу это уже не могло помочь. Скоро его не стало.

Мать моя, Ефросинья Мартыновна, очень тяжело восприняла утрату. Больше тридцати лет прожила она с отцом душа в душу. Бесконечно добрая, мягкая, ласковая и заботливая, мать словно дополняла отца, и, как я теперь понимаю, во многом благодаря ей отцовское влияние на нас обретало завершенность.

После смерти отца мать стала хворать и к лету 1925 года угасла.

Почему-то чаще всего, когда я думаю о матери, перед глазами встает такая картина: я, совсем еще мальчонка, возвращаюсь с «промысла», с Волги, гордо несу вязку окуней. Мать встречает меня, и лицо ее светлеет: какое-никакое, а все же подспорье. Как радостно было на душе, когда она ласково говорила: «Иди теперь погуляй, работничек ты мой!»

Конечно, мать жалела меня: я был младшим в семье, а к младшему всегда отношение особое. Но простая русская женщина, выросшая в постоянных трудах и заботах, она сердцем чувствовала, что баловать мальчонку, ограждать его от трудностей жизни – значит растить его слабым, безвольным, неспособным преодолевать невзгоды и лишения.

У А.М. Горького есть замечательные слова о том, что человека не жалеть надо, а уважать. Уважать! В этом, мне кажется, одно из неперемных условий успеха в многотрудном деле воспитания. И конечно, не только детей. Ведь человек формируется, совершенствуется как личность всю свою жизнь. Но если в нем еще с детства не заложено уважение к труду, к окружающим его людям, если оно не закреплено и не развито в последующей жизни, не сплелось, не сплавилось с чувством собственного достоинства – трудно ожидать, что он станет толковым человеком и работником, куда бы ни вынесли его волны судьбы.

Первый опыт уважения к людям, памятный именно своей неподдельностью, чистой правдивостью, я получил в семье. У нас в доме даже в самые трудные времена сохранялась атмос-

сфера взаимного уважения и доверия. Создавалась она, конечно, отцом и матерью и поддерживалась старшими моими братьями. Усвоенные еще в детстве уроки уважения к людям превратились в мое непреложное жизненное кредо.

И сегодня я с глубокой нежностью, с сыновней признательностью думаю о родителях, которые своей бесхитростной педагогикой вложили в мою душу уважение к людям труда, научили видеть в служении им высший смысл жизни...

Вспоминая отчий дом, я вижу своих братьев – Петра, Николая, Ивана. Они были значительно старше меня, у них я многому научился и очень многим им обязан.

Все мои братья прошли рабочие «университеты». По примеру старшего брата Петра они рано приобщились к революционному движению. И после Октября 1917 года с оружием в руках встали на защиту советской власти от белогвардейцев и интервентов. Иван погиб девятнадцатилетним в бою против контрреволюционных банд в Оренбурге, а Петр и Николай сражались в рядах Красной армии до победного завершения Гражданской войны.

Помню, как Петр приехал к нам в Самару в конце 1917 года. Город бурлил. Самарские рабочие взяли власть в свои руки уже на второй день после того, как в Питере состоялся II съезд Советов и на всю страну прозвучало ленинское воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!». Во главе Самарского губревкома встал испытанный большевик Валериан Владимирович Куйбышев, который с марта 1917 года возглавил Совет рабочих депутатов Самары. Он руководил борьбой против Временного буржуазного правительства за переход власти к Советам, а затем – Октябрьским вооруженным восстанием в Самаре. Впоследствии Куйбышев стал одним из организаторов и политических руководителей Красной армии, видным партийным и государственным деятелем. В его честь и был переименован в 1935 году мой родной город.

Ко времени приезда Петра в Самару борьба за утверждение советской власти в городе достигла предельного накала. Петр был в приподнятом настроении. Он, по словам матери, очень изменился. Еще бы! Три с лишним года фронта мировой войны, ранения значили немало. Но главное все же заключалось, наверное, в том, что Петр возмужал, закалился политически, морально. В канун Февральской революции он был арестован за революционную агитацию. Но свержение самодержавия спасло Петра от царского суда и расправы. Его освободили солдаты. Он участвовал в создании отрядов Красной гвардии в Ростове-на-Дону, сражался против калединцев и красновцев. В одном из боев снова был ранен, в бессознательном состоянии захвачен в плен белогвардейцами, приговорен к расстрелу, но бежал.

Можно представить, с каким восторгом я смотрел на Петра, слушал его рассказы. Он очень походил на отца, только, может быть, был покрупнее. О таких говорят: косая сажень в плечах. Петр обладал недюжинной физической силой: сказывалась, видно, и природная стать, и многие годы работы грузчиком на самарских пристанях и заводах.

Не дав себе даже дня передышки, Петр отправился на свой завод, с рабочими которого еще в 1914 году он участвовал в первомайской демонстрации, за что и был в первый раз схвачен царской охранкой. Его на заводе помнили, сразу же приняли в свою рабочую семью. Петр активно включился в революционную работу. Вскоре его избрали заместителем председателя Самарского городского исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов. Весной 1918 года, когда обстановка в республике, в том числе в Поволжье, чрезвычайно обострилась, Петру вместе с Гаем Дмитриевичем Гаем было поручено формирование отряда для борьбы с белочехами.

О Гае брат отзывался с большим уважением. Тот, как и он, прошел фронт, за боевые отличия произведен в офицеры. Гай Дмитриевич обладал большим опытом революционной борьбы, в которой участвовал с 1903 года, был прекрасным организатором и удивительно общительным человеком. Мне кажется, Гай и Петр как нельзя лучше подходили друг другу.

Когда отряд был сформирован, его возглавил Гай. Петра назначили его заместителем, а Николай пошел в отряд рядовым бойцом.

Впоследствии, когда отряд был преобразован в дивизию, которая вошла в героическую летопись нашей армии как Железная Самаро-Ульяновская, Петр возглавил 1-й Симбирский полк – тот самый, который освобождал родной город В.И. Ленина от белочехов. Горжусь тем, что мой брат был соавтором телеграммы Ильичу, отправленной Гаем от имени красных бойцов, освободивших Симбирск. Содержание этой телеграммы широко известно:

«Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города – это ответ на Вашу одну рану, а за вторую – будет Самара!»

Ильич прислал ответ:

«Взятие Симбирска – моего родного города есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

Ленинская телеграмма вызвала у бойцов небывалый подъем: «Даешь Самару!»

Через месяц Самара была освобождена.

Некоторое время спустя Петр стал командиром бригады 25-й Чапаевской дивизии, участвовал в боях по ликвидации кулацких банд на Украине и в Белоруссии.

До самого окончания Гражданской войны и иностранной военной интервенции сражался в рядах Красной армии и Николай. Затем его направили на работу в Самаркандский военкомат. Здесь он вступил в партию. Когда мы с отцом и матерью приехали к Николаю в Самарканд, он служил начальником связи штаба ЧОН – частей особого назначения.

На второй или третий день после нашего приезда Николай познакомил меня с секретарем Вокзального райкома комсомола. Фамилия его была, как мне помнится, Ярославцев.

– Вот брательник мой, Дмитрий, – сказал Николай. – Не хочет дома сидеть, в бой рвется.

Ярославцев крепко стиснул мне руку и засмеялся:

– А силенка у тебя, видать, есть! Так что надо ее, как говорится, в дело употребить. Ты вот что, давай-ка для начала приглядывайся к ребятам с твоей улицы, знакомься, вникай. Нужно, брат, ячейку создавать комсомольскую. Работы у нас невпроворот, а боевых ребят не хватает. Как, осилишь?

– Постараюсь.

– Вот и будем считать это первым твоим комсомольским поручением, – одобрительно сказал Ярославцев, и, задорно потряхнув русым чубом, он еще раз крепко пожал мне руку.

Поручение я выполнил. Спустя два месяца, в январе 1922 года, Ярославцев, встретив меня, сказал:

– Постой-ка, Устинов, разговор есть. Хлопец ты, по всему видать, и вправду боевой. Да и грамотешка у тебя есть, я так скажу, немалая. В политике разбираешься, так?

Я смущенно молчал.

– Так-так, не скромничай, – засмеялся Ярославцев. – Я видел, как вокруг тебя ребята выются. Это, брат, хорошо. Годков-то сколько тебе?

– Пятнадцатый.

– Вот я и говорю, пора тебе в комсомол вступить. Думал об этом?

– Думаю.

– И что?

– Робею: вдруг не гожусь еще?

– Что значит «не гожусь»? Ты это брось! Пиши заявление. Комсомольцы решат...

Вскоре Вокзальная районная комсомольская организация Самарканда приняла меня в свои ряды.

А через две недели я вступил добровольцем в ЧОН. Меня назначили в штаб телефони-стом. С первых же дней я окунулся с головой в новую, совершенно не похожую на все, что было прежде, боевую жизнь чоновцев-коммунаров. К ним предъявлялись особые требования. Вот что, в частности, говорилось в одном из приказов по ЧОН Самаркандской и Амударьин-

ской областей: «Части особого назначения должны быть всякую минуту готовы к отражению нападения как внешней, так и внутренней буржуазии. Чтобы каждый коммунар ЧОН во всякую минуту мог сказать: «Я готов», он должен иметь военную подготовку, знать обязанности командира при всех видах службы, вводить в ряды ЧОН железную образцовую дисциплину, иметь ясность предстоящих задач и цели ЧОН»¹.

Мы должны были в совершенстве знать не только свою винтовку, но и пулемет, гранату, револьвер и отлично владеть ими. Занятия проводились по уставам и наставлениям Красной армии не менее двух часов в сутки. Регулярно проходили и полевые занятия, от которых никто не освобождался. Дисциплина на занятиях была очень строгой.

Формировались части особого назначения по территориальному признаку из коммунистов и комсомольцев, достигших семнадцати лет. Меня приняли в ЧОН в порядке исключения – помогло то, что парнем я был достаточно рослым и крепким, имел образование и красиво писал. «Такие бойцы, – заявил начальник штаба ЧОН области Николаев, – нам нужны...»

Помню командира Самаркандского взвода Сатарова – человека энергичного, неутомимого, громкоголосого. Со взводом он управлялся лихо. А надо сказать, что чоновский взвод по численности достигал нескольких сот человек. Он состоял из трех отделений – Новгородского, Старогородского и Вокзального, по городским районам. Я входил в отделение Вокзального района. Основу его составляли партийные ячейки вокзала.

Главной нашей задачей была охрана объектов района, и прежде всего вокзала, подъездных путей, пакгаузов. Это было самое бойкое место в городе, где всегда толклось много людей. Сюда доставлялась основная масса товаров и, главное, продовольствие. Враг стремился именно здесь нанести самые чувствительные удары советской власти. Коммунары ночью патрулировали улицы, стояли на сторожевых постах, сопровождали транспорты с продовольствием, выступали на помощь дехканам в кишлаки, подвергшиеся нападению басмачей. Иногда приходилось совместно с красноармейскими подразделениями участвовать в активных боевых действиях против крупных басмаческих банд.

Время было тревожное. Иностранные империалисты стремились использовать огромную отсталость Туркестана, малочисленность рабочего класса и религиозный фанатизм масс для борьбы против советской власти. Ставку они делали на контрреволюционное басмачество, крупные банды которого продолжали действовать в крае. В начале 20-х годов империализм, в первую очередь английский, предпринял попытки активизировать басмачество в Туркестане, в том числе в Самаркандской области, усилил снабжение банд оружием и боеприпасами. Басмачество превратилось в открытый политический бандитизм.

Каждый день приходили вести о кровавых преступлениях басмачей. Они убивали партийных и комсомольских активистов, сжигали кишлаки, угоняли скот. Провокации, бандитские налеты не редкостью были и у нас в районе. Гремели выстрелы, лилась кровь. После схваток с врагом мы порой недосчитывались своих боевых товарищей. Но их гибель не расслабляла нас. Напротив, в сердце еще больше крепло желание как можно скорее и во что бы то ни стало покончить с врагом.

В дружной коммунарской семье был я до лета 1923 года, потом вступил добровольцем в 12-й Туркестанский стрелковый полк, располагавшийся в Ходженте. Окрестности Ходжента кишели басмачами. Наш полк вместе с созданными из местных жителей отрядами самообороны и добровольческими отрядами красных милиционеров проводил операции по их уничтожению. В боях участвовал то один, то другой эскадрон, а то и весь полк сразу.

Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Нужно было не только уничтожить закоренелых врагов, но и открывать глаза темным, запуганным, забитым дехканам, людям, обманутым мул-

¹ Партийный архив Самаркандского областного комитета КП Узбекистана. Ф. 226. Оп. 1/1. Д. 229. Л. 23.

лами и баями. Об этой задаче не уставал напоминать комиссар полка Карпов. Беседуя с красноармейцами, партийными и комсомольскими активистами, он повторял:

– Не забывайте, товарищи, что нам выпало счастье жить и бороться в историческое время. Мы несем свет правды и свободы многострадальной туркестанской земле. Каждый из нас – представитель советской власти и, значит, представитель новой жизни, которая утверждается здесь...

Да, мы ощущали себя представителями советской власти, и это обязывало нас с особой требовательностью оценивать каждый свой шаг, каждый поступок. Оценивать с позиций не только текущего момента, сегодняшней конкретной ситуации, но и с точки зрения конечных целей и интересов нашей борьбы.

Запомнились мне слова командира полка Такмурзина – человека горячего, чрезвычайно подвижного, выходца из кубанских казаков. Как-то басмачи напали на продармейцев, ехавших в кишлак Дигмай, расположенный примерно в 16 километрах от Ходжента. Туда был направлен эскадрон нашего полка, который разгромил банду, а многих басмачей взял в плен. Оказалось, что среди пленных немало бедняков. Разъясняя красноармейцам, почему нельзя подходить ко всем басмачам с одной меркой – не в бою, конечно, там все они враги, которых надо уничтожать, – командир полка заявил:

– Тут некоторые несознательные бойцы говорят, что и с пленными басмачами у нас разговор должен быть на одном языке – на языке пули да шашки. Так-то оно так, да не совсем. Мы различать должны, кто по самому нутру своему враг нашей власти, а кто обманут, запуган муллой да курбаши. Если мы его лицом повернем к новой жизни, он сам того же курбаши пулей встретит!

Не могу не упомянуть и о нашем начальнике штаба. Сухощавый, подтянутый, всегда безукоризненно выбритый, в зеркально сверкающих сапогах, он беседовал с нами, красноармейцами, не так уж часто, но зато каждая встреча с ним давала очень многое. Начштаба ясно и просто излагал даже самую сложную задачу, разъяснял обстановку, особенности текущего момента. Он редко повышал голос, да это и не нужно было: любая его команда исполнялась немедленно и беспрекословно и сам он служил образцом выдержки и исполнительности. Это был Василий Данилович Соколовский, который впоследствии стал видным военачальником, Маршалом Советского Союза.

В течение свыше полутора лет мне довелось быть в гуще событий в Туркестане. Я увидел воочию, что такое для людей труда советская власть, осознал, что быть преданным ей – это значит не только трудиться достойно, но так же достойно и защищать ее. Понял, что любовь к Родине идет рука об руку с ненавистью к ее врагам. Сливаясь воедино в душе человека, они образуют прекрасный сплав веры в победу идеалов коммунизма и практической работы, активной борьбы во имя достижения этой победы.

На страже

В 1923 году основные силы басмачей в Самаркандской области были разбиты. Страна все прочнее становилась на рельсы мирной, созидательной жизни. А меня тянуло в родные волжские края.

Откровенно говоря, мне очень хотелось остаться служить в армии. Я сроднился с бойцами и командирами. Мне по душе были и твердая воинская дисциплина, и четкий внутренний распорядок, и постоянная готовность в любую минуту подняться по тревоге, выступить в поход, выполнить боевую задачу. Однако лет мне было маловато, и с этой мечтой пришлось расстаться.

Но как самое святое пронес я через всю жизнь воспоминания о коммунарах-чоновцах, о красноармейцах, о дружбе и товариществе, которые сильнее огня, сильнее смерти. Не раз мне

доводилось видеть в действии солдатскую заповедь: сам погибай, а товарища выручай. Навсегда сохранилась в моем сердце любовь к армии, к людям многотрудной и почетной профессии, высокий смысл которой – защищать свою Родину.

Забегая вперед, скажу, что с делом защиты Родины, укрепления ее обороноспособности оказалась неразрывно связанной вся моя жизнь. В 1976 году партия доверила мне руководство Министерством обороны СССР. И, встречаясь с молодыми воинами 80-х годов, я видел знакомые мне с юных лет черты: преданность делу революции, решимость грудью встать на защиту родной земли, верность святому солдатскому братству, осознанную готовность к подвигу.

Какими мы, комсомольцы, были тогда, в начале 20-х? Как жили, о чем мечтали? В памяти воскресает обстановка тех лет. Суровые, трудные дни. Только что – в ноябре 1920-го – героическим штурмом Перекопа и освобождением Крыма было покончено с иностранной военной интервенцией и закончилась Гражданская война. Но на Дальнем Востоке шли бои с белогвардейскими отрядами. Лилась кровь и в борьбе с басмачами. Разруха. Мертвыми стояли цеха и заводы. Голод. Подорванным оказалось сельское хозяйство. Холод. Многие шахты Донбасса затоплены, не хватало топлива. Было трудно, очень трудно. Но общее настроение такое – трудности преодолеем. Нам, комсомольцам, дел хватает, мы не можем и не хотим стоять в стороне от гигантской работы, которую ведет партия. В памяти свежа ленинская речь на III съезде комсомола. Как далеко вперед смотрел В.И. Ленин! Какие светлые, манящие дали открыл он перед нами!

К будущему мы постоянно обращались сами. Голодные, раздетые и разутые, мы до хрипоты спорили о том, как будем жить, работать, какой замечательный порядок – наш революционный порядок – установится во всем мире. Мы готовы были отдать свои жизни за достижение этой великой цели – коммунизма. Но по-настоящему, всерьез задуматься о том, как ее практически достичь, помог нам Владимир Ильич. Он сказал, что именно молодежи предстоит задача создания коммунистического общества. Его слово, обращенное к нам, молодым, потрясло каждого до глубины души. Значит, построение коммунизма – это реальная жизненная задача, которую будет решать не кто-нибудь, а именно я, мои сверстники, решать вместе с коммунистами, вместе с теми, кто совершил Октябрьскую революцию, разгромил белогвардейцев и интервентов.

Ленинский призыв учиться, связывая учебу с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплуататоров, зажег в нас подлинный энтузиазм. И всегда так же свежо, как десятилетия назад, звучали и звучат слова Ильича о том, что быть членами Союза молодежи – значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело.

В памяти встают картины бурных комсомольских собраний и диспутов. Особенно жаркими были у нас споры по идейным вопросам. Да это и понятно: ведь обстановка тогда была очень трудной и сложной. Были у нас внешние враги, которых не отрезвило сокрушительное поражение, нанесенное им молодой Советской республикой. Были и враги внутренние, которые искусно маскировались, стремились использовать неопытность молодежи для того, чтобы посеять сомнения в целях и задачах революции, заронить мелкобуржуазные взгляды и нравы. Должен сказать, что врагов мы чуяли, что называется, нутром и давали им, да и не только им, а и всем, как мы их называли, «шатающимся», активный отпор. Главное же, что было в нас, – это постоянная заинтересованность в общем деле, стремление к тому, чтобы выполнить его как можно лучше, быть в самой гуще, на стрежне событий.

Такую же кровную заинтересованность, такую же боевую комсомольскую атмосферу ощущал я на комсомольском собрании в одной из частей Московского гарнизона. С большим волнением выступал я на нем, чувствовал себя так, будто говорил от лица всего своего поколения. Конечно, мы, комсомольцы 20-х, многим отличались от нынешних комсомольцев. У нас не было такой высокой образованности и культуры. Но в главном, в том, что составляет суть комсомольского характера, жизненной позиции комсомольца, мы едины. Имеются в виду

беззаветная преданность партии, коммунистическим идеалам, самоотверженность в труде на благо Отечества, непримиримость к классовым врагам, готовность к защите Родины.

Нередко приходится слышать, как молодые сетуют на то, что они, мол, опоздали родиться, что время героев и подвигов прошло. Не могу согласиться с этим. Как не вспомнить здесь слова Максима Горького о том, что в жизни всегда есть место подвигу? Повседневная жизнь постоянно подтверждает, что это действительно так.

Вспоминается крупное учение войск и сил флота советских Вооруженных сил «Запад-81», проведенное осенью 1981 года. Во время выброски воздушного десанта гвардии младший сержант А. Упоров попал в едва раскрывшийся купол парашюта рядового Л. Манохи. Купола парашютов обоих десантников стали гаснуть. В считанные секунды молодые воины сделали единственно возможное в их положении: один обрезал запутавшиеся стропы, а другой выдернул кольцо запасного парашюта. Так они и приземлились – вдвоем на одном парашюте, и тотчас устремились в атаку...

После боя я разговаривал с десантниками. Совсем еще юные, очень скромные ребята, такие же, в общем, как все, кто служит в наших Вооруженных силах, в частях и на кораблях. То, что именно на их долю выпало нелегкое испытание, случайность. Но совсем не случайность то, как вели себя воины в критической ситуации. Сами они смущались, когда их действия называли подвигом, убежденно заявляли, что так поступил бы на их месте каждый. И в этом у меня не было ни малейшего сомнения.

Немало свидетельств величия души советского человека, самоотверженного выполнения им патриотического и интернационального долга дает повседневная жизнь. Они живут, трудятся, несут службу рядом с нами, среди нас – герои нашего времени. Нашего – значит советского. В едином славном строю плечом к плечу стоят Николай Островский и Виталий Бонивур, Петр Дьяков и Никита Изотов, Алексей Стаханов и Валерий Чкалов, Александр Матросов и Юрий Гагарин.

Говоря о них, я думаю, как много сделала и делает Коммунистическая партия для воспитания молодежи, как заботливо, внимательно и требовательно растит она новые поколения, учит их воспринимать жизнь во всей ее глубине и сложности, сознавать свою роль и ответственность в решении стоящих перед страной задач.

В юные годы намечается, а нередко и определяется направленность жизненной линии человека. Какой она будет, во многом зависит от того, насколько глубоко человек осознает свое место в революционном преобразовании мира. И здесь особенно велика роль старших товарищей, коммунистов, людей зрелых, умудренных жизнью. Мне в этом отношении очень повезло. Но об этом разговор отдельный.

А тогда, в октябре 1923 года, я, только что демобилизованный из армии красноармеец, направлялся из Самарканда в Макарьев. Сюда был назначен помощником начальника милиции мой брат Николай, тоже только что демобилизовавшийся из армии. Вместе с нами ехала и наша мама.

Макарьев – небольшой городок в Ивановской губернии, раскинувшийся на правом, высоком берегу реки Ушки, притока Волги. Свое имя он получил от расположенного здесь старинного монастыря. После большого пожара, случившегося незадолго до 1812 года, Макарьев был почти заново выстроен. Застройка велась по «звездному» плану, заимствованному у Костромы. Центр города – площадь Революции. Ее обрамлял по периметру своеобразный ансамбль двухэтажных домов красного кирпича, а от площади лучами во все стороны расходились улицы.

Поселились мы временно на квартире у школьной учительницы. Вскоре брату выделили квартиру в доме для партийных и советских работников. Дом этот в городе называли уважительно и даже с некоторой гордостью: «наш Смольный», и мне, не скрою, было приятно сознавать, что я в нем живу.

В «Смольном» обитали люди разные и по возрасту, и по характеру. Но что-то неуловимо общее было во всех них. В ту пору я не совсем сознавал, но хорошо ощущал исходившую от них притягательную силу. Тогда я не мог дать этому ощущению точное определение. И только гораздо позже понял, что это было обаяние чистых, открытых, доступных людей, обладавших той спокойной силой, которая выковывается только в борьбе за новую жизнь. В них не было и тени зазнайства, кичливости или чванства, хотя посты по макарьевским масштабам они занимали высокие. Эти свои посты они рассматривали не как источник благ и привилегий, а как обязанность работать, работать больше, лучше, настойчивей, чем другие.

Это были люди, одержимые работой. Жаль, что никого из них мне не довелось знать по-настоящему близко – слишком велика была разница в возрасте. Но пример их жизни, немалая часть которой проходила у меня на глазах, даже мимолетное по-соседски общение с ними, немногословные рассказы Николая о них – все это оставило неизгладимый след в моем сердце. Мой пусть и небольшой еще, но собственный опыт подсказывал мне, что рядом со мной живут и работают незаурядные люди. И очень хотелось быть похожим на них.

Макарьевский период, как, впрочем, и вся моя жизнь, богат встречами с прекрасными людьми, общение с которыми дало мне очень многое.

Учиться я пошел после непродолжительного семейного «совещания» в профтехшколу. Можно было пойти еще в школу второй ступени или в педагогическое училище, которые имелись в то время в Макарьево. Но мне хотелось получить именно рабочую специальность, стать квалифицированным рабочим. Выросший в рабочей среде, я хорошо знал и любил ее. В отце, в своих братьях, в бойцах и командирах, партийных и советских работниках, которых мне к тому времени довелось узнать, я безошибочно чувствовал что-то особенное – это «что-то» порой называют рабочей косточкой. Это, наверное, правильно, но я бы определил его как основательность.

Словом, я очень хотел стать рабочим и самый верный путь к этому видел в учебе в профессионально-технической школе. Она была, по сути, прообразом нынешних профтехучилищ, имела хорошую по тому времени материальную базу. Надо отметить, что Макарьевской профтехшколе позднее было присвоено имя бывшего ее ученика Героя Советского Союза гвардии рядового Ю.В. Смирнова. Его бессмертный подвиг, совершенный в годы Великой

Отечественной войны, стал символом неслышимой силы духа советского человека, основательности, прочности его характера. Этот подвиг не случаен. Думаю, немало для становления Юрия Смирнова как личности сделала Макарьевская профтехшкола.

Построена была школа как единый комплекс. В него входили двухэтажный красного кирпича учебный корпус, мастерские, подсобные и бытовые помещения, дома для преподавателей и мастеров, паросиловая установка, которая обеспечивала профтехшколу электроэнергией. Тогда, в условиях острого энергетического голода в стране, это было прямо-таки роскошью, позволяло не только регулярно проводить занятия, обеспечивать бесперебойную работу школьных мастерских, но давало возможность устраивать в праздники и выходные дни прекрасные – с электрическим светом! – вечера отдыха.

Занятия в школе продолжались с восьми часов утра до шести вечера. Первая половина дня отводилась для изучения общеобразовательных дисциплин и теории по специальности, вторая – для собственно профессионального обучения. Оно проводилось в мастерских и организовывалось так, чтобы каждый ученик ознакомился с несколькими профессиями, но хорошо освоил свою основную. Поэтому в первый год обучения все учебные группы по очереди трудились в литейной, модельной, кузнечной, слесарно-механической мастерских, а затем, когда начиналась специализация, основная часть времени отводилась на работу в мастерской по избранной профессии.

Такого рода политехнизация позволяла готовить рабочих с широким техническим кругозором, с разнообразными навыками, способных трудиться на любом производстве, что было

очень важно в то нелегкое время, когда промышленность испытывала острую нехватку квалифицированных специалистов. Это хорошо понимали и руководители школы, ее преподаватели, и мы, ученики. Мы занимались, без всякого преувеличения, заинтересованно, с огоньком. Выходило из строя ветхое оборудование – чинили его в неурочное время под руководством мастеров.

Недоставало инструмента – изготавливали его собственными силами. В зимнюю стужу в чернильницах замерзали чернила – наловчились пристраивать пузырьки за пазухой. Трудней было в холодных мастерских – руки прилипали к железу, деревенели ноги. Разогревались на переменах азартной чехардой или «кучей-малой».

А главное – не унывали. Все трудности и невзгоды преодолевали вместе с нами наши наставники – заведующий школой Николай Михайлович Афанасьев и сменивший его Андрей Васильевич Захаров, преподаватели и мастера Павел Александрович Русанов, Михаил Александрович Лебедев, Сергей Васильевич Сингалов и другие.

Нашим кумиром был мастер, обучавший нас слесарному делу, Макар Андреевич Кананин. Человек внешне суровый, даже сухой, он близко к сердцу принимал наши заботы, жил нашими интересами, глубоко понимал нас. Нередко он был инициатором и непременным участником многих дел, которые не только давали школе средства к существованию, но и сплачивали нас, учили хозяйственности, ответственности. Главное же, что служило основой авторитета мастера среди учеников, да и в преподавательском коллективе, – его бескорыстие, самоотверженность, какая-то просто кристальная честность в словах и поступках. К нам, ученикам, он относился как к равным, не делал скидок на возраст, требовал принципиальности в конфликтных ситуациях, был непримирим к любым проявлениям лени, расхлябанности, недобросовестности.

– Вы – рабочие, – говорил он. – Так кто же за вас дело сделает, ежели не вы сами?

Макар Андреевич сам окончил нашу профтехшколу в годы первой русской революции. Тогда она называлась реальным училищем. Участвовал в революционных выступлениях учеников, узнал вкус казачьей плетки и навсегда стал убежденным, непримиримым врагом царизма и, как он сам говорил, «вообще эксплуататоров». Трудиться ему довелось на многих предприятиях, некоторое время даже в Петербурге. А в 1923 году он вернулся в Макарьев, стал работать в родной профтехшколе мастером слесарного дела.

Специальность свою Макар Андреевич знал превосходно, обращался с металлом так, что это вызывало у нас, будущих слесарей, настоящий восторг. Многому мы научились у нашего мастера, но главное, пожалуй, – умению все делать на совесть.

Вообще пора учебы в профтехшколе была для меня временем многих открытий. И речь идет не только об общеобразовательных или профессиональных знаниях. Я открывал, если можно так выразиться, самого себя. Оказалось, например, что я могу сам, своими руками работать и табуретку, и гаечный ключ, и даже изделие посложнее. Помню, как однажды Макар Андреевич, придирчиво измерив штангенциркулем изготовленную мной самостоятельно по чертежу деталь, произнес одобрительно:

– А из тебя, Дмитрий, может неплохой слесарь выйти...

В устах обычно скупого на похвалу мастера эти слова означали очень многое. Я, по моему, зарделся от смущения.

– Главное что? – продолжая разглядывать прищуренным глазом деталь, сказал мастер. – Главное – не бросил работу. А ведь не получалось сразу?

– Не получалось...

– То-то. В нашем деле характер выдержать надо. Без характера никакую работу по-настоящему не сделаешь. Так что молодец!

Он отдал мне ставшую теплой от его рук деталь, и я посмотрел на нее уже совсем по-другому и чувствовал себя счастливым оттого, что все-таки сумел ее сделать.

Открывал я для себя у людей новые, порой неожиданные грани и черты их характеров. В 1923 году наша комсомольская организация решила создать своего рода летопись школы. Занялись училищным архивом. Тогда и обнаружили несколько секретных дел царской охранки, заведенных на неблагонадежных преподавателей и учеников. Среди тех, за кем охранка установила негласное наблюдение, были некоторые наши наставники, в том числе Иван Михайлович Моисеев. За ним числились многие «дела», направленные против царского режима, порой требовавшие, как мы понимали, незаурядной смелости, твердости и мужества. А мы-то считали нашего Ивана Михайловича тихоней!

Вспоминая профтехшколу, я отчетливо видел нашу школьную стенгазету – с броскими карикатурами, немудреными короткими статейками. В них рассказывалось о хороших починах учащихся, их достижениях, остро критиковались недостатки. Хоть и маленькая была газета, но она тоже воспитывала. По ее призыву мы засучив рукава оборудовали механические мастерские, ремонтировали электростанцию, налаживали мельницу, ликвидировали аварии на водопроводе, восстанавливали пароходы.

Нередко для выполнения каких-либо работ вызывались добровольцы. Как-то, еще в первый год моей учебы в школе, довольно поздней уже осенью, потребовалось перевезти дрова с противоположного берега Унжи. До начала 30-х годов по ней сплавляли лес. Причем сплавляли плотами или гусянами, белянами, соймами – сооружениями прочными, хоть и собранными без единого гвоздя. До 10 тысяч кубометров древесины составляло одно такое сооружение! И проводили его сплавщики по Унже, не теряя ни единого бревнышка. А с 30-х годов, и особенно в военное время, по реке начали сплавлять молевой лес. Унжа постепенно заби-лась, заилилась, заболотилась, стала несудоходной. Такая же печальная судьба постигла многие наши сплавные реки. Нам, хозяевам своей страны, негоже так небрежно обращаться с ее богатствами. Родная природа – наше общее достояние, и заботиться о ней надо всем. Перед моими глазами – та, давняя, Унжа и мы вдвоем с сокурсником Сашей Шабаровым в лодке – добровольцы по перевозке дров. Сделали несколько рейсов. И вот когда дров осталось чуть больше, как мне показалось, чем мы обычно загружали в лодку, я предложил забрать все, чтоб быстрее управиться. Саша засомневался:

– Как бы не перевернуться. Куда там!

– Много нужно воды, – говорю, – чтобы такую лодку перевернуть. Доедем!

Поплыли. Я на веслах, Саша на корме. Уже у самых мостков при развороте зачерпнули бортом воды, да так, что лодка перевернулась. Мне-то ничего, я к воде, можно сказать, с рождения привычный, случалось и Волгу переплывать, да и в проруби не раз купался, а вот за Сашу испугался. Плавать-то он умел, я сам его научил. Но тут-то плавание не совсем обычное. Вот он и растерялся, молотит по воде руками, а сам того и гляди с головой уйдет на глубину.

– Сашка! – кричу ему. – Не трусь! Плыви к мосткам!

Вижу, вроде перестал он барахтаться, поплыл помаленьку, ухватился за мосток. Теперь и дрова можно вылавливать. Хорошо еще, что течение в этом месте спокойное, а у мостков и вовсе заводь образуется. Вот к ним и прибило часть бревен. Саша выкарабкался и багром стал их на мостки вытаскивать. Я лодку оттащил к берегу, а потом и за бревна взялся. Все до единого выловили.

Когда о происшествии стало известно заведующему, он, конечно, отругал нас. Но за то, что дрова мы все-таки доставили в целостности и сохранности, похвалил. Мне же случай стал уроком: риск оправдан только тогда, когда он необходим, когда без него не достичь нужного результата.

Наступившая зима была на редкость суровой. Но не лютыми морозами, не студеными ветрами запомнилась она. В эту зиму умер Ленин... Когда об этом стало известно в Макарье, мы все – и преподаватели, и ученики – собрались в школе. Горе было ошеломляющим.

Никто не скрывал слез. Стужей будто сковало сердца. За несколько траурных дней мы намного повзрослели...

В этот год наш комсомол стал Ленинским. Я всегда с волнением читаю слова Манифеста, с которым VI съезд РЛКСМ обратился ко всем комсомольцам, ко всей рабоче-крестьянской молодежи. «Не для красного словца, – говорится в Манифесте, – не из желания носить лучшее из всех имен, не только для того, чтобы почтить уважением память великого усопшего, приняли мы это решение. Нет, мы приняли его для того, чтобы вся трудящаяся молодежь всех народов, населяющих СССР, вместе со своим передовым отрядом – Коммунистическим Союзом Молодежи – прониклись единой волей и твердой решимостью научиться по-ленински жить, работать и бороться, осуществлять заветы, оставленные нам ЛЕНИНЫМ».

Это была клятва. Клятва каждого комсомольца. И мы стремились быть верными ей во всех своих делах и поступках.

В течение нескольких месяцев после скорбного января наша комсомольская организация пополнилась многими новыми членами. Да и вся ее работа приобрела какую-то особую боевитость, еще большую целеустремленность.

Именно в профтехшколе я по-настоящему приобщился к комсомольской работе, почувствовал к ней вкус. Поручения организации выполнял старательно. Учеба мне давалась легко, и я с увлечением выполнял обязанности старосты группы, члена учкома, очень дорожил доверием товарищей, когда они избрали меня секретарем комсомольской организации школы.

Много внимания уделяли мы политическому воспитанию учеников. Постоянную помощь в этой работе оказывали нам коммунисты школы. Особую заботу парторганизация проявляла о кружках политграмоты, занятия в которых проходили раз в неделю после работы в мастерских. Руководили занятиями комсомольцы. Один из них, Борис Тимофеев, мне особенно запомнился.

Чем привлекал к себе этот простой, веселый и очень скромный рабочий парень? Думаю, прежде всего тем, что слово у него никогда не расходилось с делом. Он был и остался патриотом нашей профтехшколы. Мне довелось познакомиться с фотокопией интересного документа – поздравления, которое подполковник Борис Павлович Тимофеев прислал в Макарьево в дни полувекового юбилея школы. Он писал о том, что профтехшкола дала стране немало подготовленных, квалифицированных специалистов, которые внесли достойный вклад в создание и развитие тяжелой промышленности, составляющей основу могущества Родины.

Мне довелось повстречаться с Борисом Павловичем уже после Великой Отечественной войны, которую он прошел от первого до последнего дня. Мы оба обрадовались встрече. Разговорились, вспомнили дом Тимофеевых, где мы нередко бывали. Отец Бориса, Павел Васильевич, учитель, был человеком высокой культуры, обладал глубокими и разносторонними знаниями. Мы любили слушать его неторопливые рассказы. Нередко он становился арбитром в наших бесконечных спорах.

Большое влияние на нас оказывал и старший брат Бориса – Николай. Один из первых макарьевских комсомольцев, он был прирожденным пропагандистом и агитатором. Как здорово владел он словом, как мастерски умел убеждать! За спиной у него было секретарство в укоме комсомола, работа заведующим агитпропом в укоме партии, учеба, пусть и не законченная по болезни, в Ленинградском политехническом институте. А работал Николай Павлович Тимофеев редактором уездной газеты «Крестьянский край». Мы, комсомольцы, хорошо его знали и любили.

Гостеприимный дом Тимофеевых связан в моей памяти еще с необыкновенно вкусными пирогами, которые пекла мать Бориса Александра Александровна. Мне кажется, нигде и никогда больше не ел я таких душистых и вкусных пирогов, как у Тимофеевых в Макарьево...

Дел у нас в комсомольской организации было множество. И все неотложные, все важные, все нужные. Партийная организация доверяла нам ответственные задачи, строго спрашивала

за порученное. Товарищи не раз избирали меня делегатом на уездные и губернские комсомольские конференции. На одной из них я был избран членом Макарьевского укома комсомола. Уком даже ставил вопрос о моем переходе на работу в его аппарат. Но мне хотелось закончить учебу, об этом же, кстати, ходатайствовал перед укомом и педсовет школы.

В укоме работали молодые, но имеющие немалый опыт трудовой и организаторской деятельности люди. Секретарем укома был Николай Яковлев. Район он знал как свои пять пальцев. В кабинете засиживаться не любил, предпочитал потесней общаться, как он говорил, с комсомольцами.

– Бумаги, Дмитрий, конечно, нужны, – как-то сказал он мне в перерыве между заседаниями. – И порядок в них тоже нужен. Но они не должны заслонять собой жизнь. А ее стрезень – там, в организациях, на заводе, у станка, в поле. В общем, там, где люди...

Хорошо помню и другого работника укома, председателя бюро юных пионеров Михаила Дворникова. Идеи, предложения, задумки сыпались из него как из рога изобилия, он вечно куда-то мчался, куда-то опаздывал, собирался сделать тысячу дел. И очень многое, несмотря на кажущуюся несобранность, успевал. Вообще говоря, комсомольская должность, которую он занимал, очень ему подходила. Детей он любил самозабвенно. И эта любовь была взаимной.

Михаил многих из нас, комсомольцев профтехшколы, увлек своей любовью к работе с детьми, с пионерами. Мы с удовольствием возились с ними, проводили пионерские сборы, устраивали концерты, ходили в походы. Один из таких походов мне особенно запомнился.

Как-то летним днем повел я группу пионеров в усадьбу Петровское, живописное место близ старого города Унжи. Вдоволь набегались, наигрались и во второй половине дня отправились домой. Ребята пели песни, смеялись, шутили, только Верочка Кузнецова была невесела. Я пробовал развлечь ее, спрашивал, что с ней, но она только губы закусывала и ничего не говорила. Но вот ей, как видно, стало совсем плохо, и, заливаясь слезами, она еле выговорила, что не может идти. Дети испуганно примолкли. Я тоже не на шутку испугался. Взяв Верочку на руки, я почти бегом устремился к дороге. Несколько километров нес девочку на руках, пока наконец нам встретилась телега. Уложив девочку на нее, я не сразу смог разогнуть руки, их будто судорогой свело. Верочку вовремя доставили в больницу. У нее оказался острый аппендицит. Операция прошла благополучно.

Комсомольским поручением особой важности считали мы участие в работе по ликвидации неграмотности. Уком доверил мне проводить занятия с водниками. Народ это бывалый, ему палец в рот не клади. Накануне своего первого урока я изрядно поволновался. Готовился к нему так, словно предстояло сдавать трудный экзамен. Однако водники встретили меня доброжелательно. Оказалось, что никаких особых подходов к ним искать не нужно было. Главное – относиться к делу с душой и по-доброму делиться с людьми всем, что имеешь и знаешь сам, и они обязательно ответят тебе взаимностью... Мы регулярно занимались по 2 часа дважды в неделю после рабочего дня. Приходили на занятия обычно человек пятьдесят – в основном люди пожилые, но были и молодые. И все они занимались с удовольствием и интересом.

Думаю, успеху первого моего «учительского» опыта в немалой степени способствовало то, что один из мастеров производственного обучения в профтехшколе – Василий Васильевич Катанов в прошлом был водником, плавал механиком на пароходе «Севастополь». У него я многому научился, а главное, на опыте общения с ним узнал некоторые важные профессиональные черты водников, что помогло быстрому установлению контакта с ними.

Не могу передать, как я был рад встрече с моими наставниками, когда уже после войны, в дни юбилея нашей родной профтехшколы, Василий Васильевич Катанов, Макар Андреевич Кананин и Сергей Александрович Федоров побывали у меня в гостях в Москве.

Эти люди, как и все, у кого мне выпало счастье учиться, с кем приходилось бок о бок работать, просто общаться, дали мне, повторяю, очень много. И не столько в плане профессионального мастерства, хотя это и очень важно, сколько с точки зрения науки человеческих

отношений, усвоения изначальных, непреходящих ценностей жизни – верности долгу, избранному делу, умению понимать людей, откликаться на их нужды и запросы, преданности товариществу и дружбе.

Эти ценности не были для меня и для моих сверстников абстрактными. Они проявлялись в повседневной деятельности конкретных людей, прежде всего коммунистов, и становились для нас ориентирами, по которым мы строили собственную жизнь.

С большой теплотой вспоминаю свои комсомольские годы. Это была прекрасная пора молодости – пора поисков и дерзаний, надежд и открытий, пора пробуждения чувств. Конечно, она есть у каждого молодого поколения. Но все-таки у нас эта пора особая, потому что мы мужали вместе с Советской страной. И голодали, и холодали. Но энтузиазма нам было не занимать. Мы стремились побыстрее построить новую жизнь. И комсомол выводил нас на ее страже, давал нам неукротимую энергию сплоченной коллективной воли и коллективного действия. Он был прекрасным горнилом, в котором прошло политическую и нравственную закалку поколение советских людей, уже в зрелом возрасте встретивших Великую Отечественную, вынесших на своих плечах ее тяжесть, выковавших оружие победы и разгромивших врага.

За все это я, как и миллионы моих сверстников, всем сердцем благодарен комсомолу.

Среди многих качеств, которые воспитал в нас комсомол, хочу подчеркнуть одно – высокую жизненную активность. У нас не было ни времени, ни места для скуки, уныния, ничего неделания. Наряду с учебой, комсомольской работой мы с увлечением занимались спортом.

С большим размахом велась работа в кружках Осоавиахима. Относились мы к ней серьезно и ответственно. Кто из комсомольцев не видел себя надежным и умелым защитником Отечества? А чтобы стать им, нужно было овладевать военными знаниями и навыками, содействовать укреплению армии и флота. Осоавиахимовскими вопросами мне приходилось заниматься особенно много: товарищи избрали меня в уездный совет этого добровольного общества.

Так, заполненные учебой и общественной работой, незаметно промчались четыре года учебы. Наступила весна 1926 года. Она памятна для меня не только завершением учебы в профтехшколе. Этой весной я стал кандидатом в члены ВКП(б). Вместе со мной партийной организацией профтехшколы был принят в кандидаты Борис Никитин – мой хороший школьный товарищ, с которым мы дружили все четыре года учебы.

С трепетом ожидали мы вызова в уком ВКП(б), где должен был окончательно решаться вопрос о приеме в партию.

Думаю, читателю небезынтересно узнать, как проходил тогда прием, поэтому приведу сообщение одного из июньских номеров местной газеты за 1926 год.

«На 5-е июня 1926 года в Макарьевский уком ВКП(б) поступили заявления о приеме в партию от следующих товарищей:

1. Охлопков Иван Гаврилович – крестьянин дер. Сосновки, Макарьевской волости.
2. Погодин Сергей Алексеевич – крестьянин с. Словинки...
- ...9. Никитин Борис Петрович – ученик профтехшколы.
10. Устинов Дмитрий Федорович – ученик профтехшколы.
11. Старкин Алексей Яковлевич – сотрудник Макарьевской почтово-телеграфной конторы.

Просим лиц и учреждения, знающих за указанными товарищами какие-либо проступки, препятствующие вступлению в партию, в недельный срок со дня опубликования сообщить укому.

Учетный отдел укома ВКП(б)».

Перечитывал пожелтевшую от времени газету и снова, как почти шесть десятилетий назад, волновался. Это можно понять. Вступление в партию – событие в биографии человека совершенно исключительное, знаменующее его второе, духовное рождение.

Проступков, препятствующих вступлению в партию, за нами не значилось. Солнечным – именно таким он мне запомнился на всю жизнь – июньским днем я принял из рук секретаря укома ВКП(б) кандидатскую карточку. С того дня и поныне все свои дела, поступки, мысли я сверяю с главным в жизни критерием – своей принадлежностью к ленинской партии коммунистов.

Кандидатский стаж мне довелось проходить на строительстве целлюлозно-бумажной фабрики под Балахной.

В ту пору вся наша страна представляла собой грандиозную стройку. Предстояло создать заново многие отрасли: машиностроение, станкостроение, автомобильную, химическую, тракторную, оборонную промышленность, развить черную металлургию, реконструировать старые предприятия. После XIV съезда партии – съезда индустриализации – прошло немногим больше полугода, а повсюду поднимались корпуса будущих промышленных и энергетических гигантов, таких как Днепрогэс, Харьковский тракторный завод, заводы сельскохозяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону и Запорожье, многие другие.

В числе новостроек была и крупнейшая по тому времени целлюлозно-бумажная фабрика под Балахной. Будущему предприятию по просьбе его строителей было присвоено имя Ф.Э. Дзержинского.

О стройке мы были наслышаны еще в период учебы в профтехшколе, знали, что фабрика очень нужна стране. Ведь Советский Союз вынужден был ввозить бумагу из-за рубежа, платить за нее золотом почти по 15 миллионов рублей ежегодно.

Нам, выпускникам профтехшколы, очень хотелось попасть на стройку. Едва успев сдать экзамены и получить удостоверения квалифицированных специалистов, мы отправились в Балахну.

В партийном комитете стройки, куда сразу же по приезде Борис Никитин и я пришли, чтобы встать на учет, нас встретили с удовлетворением.

– Рабочие нам нужны, тем более такие, как вы, – заявил секретарь. – Трудных участков на стройке много. Но сейчас самое горячее место механический цех. От него зависит работа других участков стройки. Так что, ребята, договоримся с кадровиками и бросим вас на прорыв. Как, не подведете?

– Не подведем! – в один голос ответили мы. Нас определили помощниками слесаря на токарно-слесарный участок механического цеха. Работы было много, работы, как правило, интересной, требовавшей не только физического напряжения, но и смекалки. Пригодились разносторонние знания и навыки, приобретенные в профтехшколе. С первых же дней мы стали не только выполнять, но и перевыполнять нормы, внесли ряд рационализаторских предложений. В числе других передовых рабочих нам доверили монтаж первой бумагоделательной машины.

В первое время мы жили в Балахне, в доме по улице Карла Либкнехта, на квартире у Нагорова, нашего макарьевского товарища. Но добираться отсюда на работу было далековато – почти шесть километров. С трудом удалось найти жилье поближе, в Кубанцеве, которое находилось посередине между Балахной и деревней Курза – нынешним Правдинском, поселком целлюлозно-бумажного гиганта.

Изба, в которой мы вместе с несколькими товарищами квартировали, стояла на берегу Волги. В ней было тесно, поэтому летом и осенью я обитал на сеновале. Так приятно было после трудового дня вдохнуть полной грудью сладкий запах душистого разнотравья, ощутить его упругую, пружинящую постель. Утром рано-рано в маленькое слуховое окошечко заглядывали первые лучи солнца, тишину заполнял многоголосый птичий гомон. Спрыгнешь с сеновала,

растолкаешь ребят и на Волгу. Пока добежишь до нее – росой ноги выстудит, вымоет. На бегу разденешься – и в воду. Дух переведешь – и пошел мерять реку саженками. Выходишь из воды и чувствуешь, будто Волга влила в тебя такую силу и бодрость, что можно горы свернуть...

Как молодые коммунисты, Борис и я активно участвовали в жизни партийной организации. Коммунистов на стройке, где работало почти четыре с половиной тысячи человек, было не так уж много – чуть больше ста. Состав строителей был довольно разношерстный, на две трети – сезонные рабочие. И настроения среди них были разные, тем более что трудностей с жильем, питанием, да и производственных неурядиц хватало. На этих трудностях старались сыграть враги.

Поэтому отстаивать линию партии, разъяснять ее людям, пресекать попытки исказить, опорочить партийные решения, разобщить рабочих, подорвать дисциплину – все это приходилось делать каждодневно. Сама обстановка требовала предельной собранности, бдительности, ясной определенности позиции в различных производственных и даже житейских ситуациях, не позволяла ни на секунду забывать о том, что ты коммунист. Шла классовая борьба, и партия рассчитывала в ней на нас, как на своих бойцов.

Молодому читателю о том, что такое классовая борьба, известно в основном из учебников и художественной литературы. В нашем обществе этот термин уже длительное время относится исключительно к внешнеполитической области. Но мой и моих сверстников выход в самостоятельную жизнь совпал с обострением классовой борьбы как на международной арене, так и внутри страны.

В 1927 году, когда я начал работать на стройке, международное положение СССР осложнилось в связи с разрывом английским правительством дипломатических и торговых отношений с СССР. Газеты каждый день приносили сообщения о попытках империалистов сорвать или затормозить экономическое развитие Советского Союза. Отказы в кредитах, линия на экономическую изоляцию, угрозы новой вооруженной интервенции сочетались с антисоветскими провокациями. Помню, какое негодование у нас вызвали налеты на советские представительства и учреждения в Пекине, Лондоне, убийство в Варшаве полпреда нашей страны Войкова.

Империалисты всячески поддерживали и инспирировали подрывную деятельность остатков белогвардейцев и других контрреволюционных элементов внутри Советской страны. Гнев и возмущение вызвало преступление английских диверсантов, которые в 1927 году бросили бомбы в партийный клуб в Ленинграде, ранив около 30 человек. Острие всех вражеских провокаций направлялось на то, чтобы любой ценой помешать индустриализации СССР. Наши классовые враги понимали, что именно индустриализация ускорит построение социализма, укрепит независимость СССР и усилит его обороноспособность.

Обострение классовой борьбы на международной арене и внутри страны отразилось и внутри партии. В первые годы индустриализации главной опасностью в партии стали троцкисты и зиновьевцы, объединившиеся на антиленинской платформе. По призыву Центрального комитета все партийные организации, все сознательные рабочие включились в активную борьбу против «новой оппозиции». К тому времени, когда мы с Борисом Никитиным влились в парторганизацию строительства целлюлозно-бумажной фабрики, эта борьба уже подходила к завершению. Однако и нам пришлось участвовать в ней.

Хорошо помню дискуссионные собрания в нашей партийной организации. Они проходили горячо, страстно. Товарищи из партийного архива Горьковского обкома КПСС переслали мне в числе других документов того периода копию протокола одного из таких собраний, состоявшегося в октябре 1927 года. С волнением прочитал этот документ – свидетельство политической зрелости коммунистов стройки. Приведу лишь небольшую выдержку из постановления нашего собрания: «Коллектив ВКП(б) строительства ЦБФ, резко осуждая непрекращающуюся раскольническую линию изолгавшихся и разложившихся лидеров оппозиции, настаивает на решительных мероприятиях по отношению к оппозиции со стороны ЦК и предстоящего XV

съезда партии вплоть до исключения из рядов партии, если будет продолжаться дальнейшая деятельность, ведущая к расколу единства ВКП(б)»².

Таковыми же по духу и содержанию были резолюции дискуссионных собраний подавляющего большинства партийных организаций ВКП(б). За политику ЦК голосовали 724 тысячи членов партии, а за блок троцкистов и зиновьевцев только 4 тысячи, что составляло меньше одного процента.

Банкротство троцкистско-зиновьевской оппозиции было полным. Ленинская политика партии победила.

Непосредственное участие в борьбе за эту победу стало для меня школой принципиальности, твердости в проведении линии партии, бескомпромиссности в отношении ее врагов. К ноябрю 1927 года, когда кандидатский стаж закончился и меня приняли в члены ВКП(б), я уже всецело ощутил свою причастность к великому делу партии – делу строительства нового общества, свою личную ответственность за чистоту ее рядов, за честь высокого звания коммуниста.

Выбор

Стройка под Балахной была, по сути, первым опытом моей самостоятельной работы на производстве, участия в жизни большого трудового коллектива, в деятельности крупной партийной организации. Затем мне довелось жить, работать и учиться в Иваново-Вознесенске. Биография этого города и всего края богата революционными и трудовыми делами. Здесь еще в 1905 году был создан первый в России Совет рабочих депутатов. И после Февральской революции, и в дни Октября ивановские рабочие составляли часть революционного авангарда российского пролетариата. Одними из первых в Советской республике они организовали боевые отряды для защиты завоеваний Октября от иностранной военной интервенции и белогвардейщины. Высокую оценку их действий дал в апреле 1920 года В.И. Ленин. «Иваново-вознесенские, питерские и московские рабочие, – говорил он, – перенесли за эти два года столько, сколько никогда не переносил никто другой в борьбе на красных фронтах»³. В Иваново-Вознесенске вели активную революционную деятельность Ф.А. Афанасьев, А.С. Бубнов, С.И. Балашов, П.П. Постышев, М.В. Фрунзе, другие большевики-ленинцы.

Работать я поступил на одно из старейших предприятий города – текстильную фабрику, которая носила имя рабочего Федора Зиновьева. Федор – партийная кличка Георгия Степановича Зиновьева. Еще в дооктябрьское время он был активным организатором революционных маевек и погиб от рук царских палачей.

Когда я пришел на фабрику, на ней полным ходом шла реконструкция. Только в 1928 году здесь было установлено больше 400 новых станков. Меня приняли сначала слесарем в механический отдел, а потом назначили машинистом дизеля. Работа на фабрике запомнилась мне по-боевому четкой организацией, крепкой дисциплиной, атмосферой дружбы и сплоченности трудового коллектива, ревностно оберегавшего славные революционные традиции. Да еще, пожалуй, тем, что жил я здесь по еще более уплотненному графику: помимо основной работы и выполнения партийных и общественных обязанностей мне приходилось много и упорно заниматься. Дело в том, что у меня было огромное желание учиться и я поставил перед собой задачу во что бы то ни стало подготовиться к поступлению в институт. Нужно было восстанавливать и пополнять знания. Днем работал, поэтому для учебы оставались практически лишь вечера, нередко прихватывались выходные и праздничные дни.

² Партийный архив Горьковского обкома КПСС. Ф. 82. Оп. 1. Д. 439. Л. 26.

³ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 40. С. 296.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.